

С.И. ХРАМОВА
(Киев)

**А.И. ГЕРЦЕН И М.А. МАКСИМОВИЧ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В исследовательской литературе, посвященной отношению А. И. Герцена (1812-1870) к Украине, практически отсутствует освещение влияния на формирование взглядов этого крупного мыслителя и общественного деятеля, на его публицистическое творчество научных трудов и самой личности М. А. Максимовича (1804–1873). Едва ли не единственным исключением является реплика П. Г. Маркова, который первым (после С. И. Пономарева) всерьез занялся изучением многогранного наследия Максимовича. Еще в 1973 г. П. Марков предположил, что Максимович оказал влияние на юного интеллектуала Герцена [9, с.19].

Как известно, 15-летний Максимович был записан в студенты словесного отделения Московского университета; но в августе 1821 г., несмотря на определенный интерес к гуманитарным наукам, он переходит на физико-математическое отделение, где несколькими годами позже, с 1829 по 1833 г., будет учиться Александр Герцен, а Михаил Максимович к тому времени станет преподавателем. Широтой интеллектуальных запросов Максимовича объясняется тот факт, что в 1823 г. он записывается и на медицинское отделение, посещая в то же время лекции «оракула в отделении словесном» – профессора латинской филологии и философии И. И. Давыдова [7, с. 393]. Вспоминая это время, Максимович писал: «В Москве мое главное дело было естествознание, которому неразлучною спутницей и верною неизменною помощницей была философия» [цит. по: 5, с.185].

Такой же жаждой знаний в разных областях науки с юных лет отличался и Герцен. У М. А. Максимовича, профессора естественных наук Московского университета, он прослушал курс ботаники и состоял с ним в близком знакомстве; их сближало и внимание к литературе. Факты, о которых пойдет речь, доказывают, что Максимович как личность и как ученый – не только естествознавец, но и философ,

филолог, критик, историк, исследователь украинской старины – был интересен Герцену в течение всей его жизни.

Труды Максимовича-естествоиспытателя, как отмечают современные специалисты, «расшатывали устои теологических и метафизических представлений в естествознании» [10, с.208]. Влияние научных идей Максимовича сквозит в первых, студенческих еще, работах Герцена. В статье «О месте человека в природе» (1832) Герцен писал: «...из стихийного бытия она (планета – С.Х.) переходила к бытию собственному и начиналась одной природой неорудной (т. е. неорганической – С.Х.), требующей наименьшей степени жизни, живущей *смертью прочих царств*» (курсив А. Герцена, давшего примечание: «Надеемся, что г-н Максимович простит нам похищение сего прелестного выражения») [2, т. I, с.13-14]. Ученик Максимовича демонстрирует хорошее знание лекций своего преподавателя, который «позаимствованную» Герценом формулировку использовал не только в лекционном курсе, но и в своей статье «О человеке» (ж. «Телескоп», 1831, ч. V).

Не вызывает сомнения знакомство Герцена и с такими работами Максимовича, как «Жизнь растения» (1827), «О превращениях насекомых» (1827), «О разнообразии и единстве вещества в природе» (1830), которые в 1833 г. будут объединены в книгу «Размышления о природе».

Именно с университетских времен начинаются напряженные идейные искания Герцена, стремившегося понять законы исторического развития, место личности в этом процессе.

Герцена-студента интересовал вопрос, не утративший для него своей важности и в более зрелые годы, – вопрос о сочетании «опытной методы», «эмпиризма» с «умозрением», т. е. Герцен ищет свой диалектический философский *метод познания*, в котором «эмпирия» и «рационализм» находились бы в органическом единстве.

В феврале 1832 года Герцен пишет другу своей юности, преподавателю математики Н. И. Астракову: «Я давно уже должен бы был переслать к вам Бруно и Систематику, но то хлопоты ученья, то хлопоты рассеянья так плотно заняли время, что не нашлось свободной минуты, которую я мог посвятить блаженной памяти Иордано Бруно и *системе систем Максимовича*. Второе напоминовение сделало меня подеятельнее, и вы получите Бруно. Об Систематике еще не

знаю, Максимовичу я вручил деньги, но книги еще не получил, а поелику *он часто улетает в мир идеальный* на поэзии тычинок, пестиков и спиральных сосудов, то и не мудрено, что забудет; ежели же получите ее, то советую (извините в дерзости) прочесть это *изящнейшее творение по сей части мира, философское направление и высокое понятие о науке – и науках естественных*» (выделено мною – С.Х.). Речь идет о книге Максимовича «Систематика растений: Основания ботаники». Герцен дает тонкое определение поэтической души Михаила Александровича, отмечает высокий уровень знаний ученого, мастерство композиции его книги и художественные достоинства научного слога, особо подчеркивает глубину философской мысли Максимовича. Здесь же виден и сам Герцен – с его самобытным умом, рано проявившейся глубиной обобщений и хорошим чувством юмора [2, т. XXI, с.7].

Проницательность молодого человека тем более очевидна, если сравнить данные им характеристики Максимовича и его работ с отзывами, например, С. И. Пономарева, знавшего Михаила Александровича много лет и гораздо ближе. Пономарев отмечал, что «одаренный живою, мастерскою речью, эстетическим вкусом, Максимович привлекал студентов» [11, с.205-206]. (Речь идет о студентах Киевского университета, первым ректором которого он был). В стиле научных работ Максимовича Пономареву нравилась «ясность, твердость и благоразумная скромность»; он подчеркивал «то изящное литературное изложение, коим отличаются все его сочинения; яркая изобразительность блещет в его языке; поэтическая струя часть оживляет его прозу» [11, с.190, 196]. Через девять лет после смерти Максимовича, в 1882 г. Пономарев напишет, что это был человек «добродушный, романтик по натуре и по времени», и вспоминает отрывок из стихотворения Максимовича, прекрасно характеризующего его автора: «Что б за жизнь была без песен, без поэзии святой!» [4, с.152].

Основная тема зрелого философского творчества Герцена, как известно, – единство бытия и мышления, идеала и жизни. Герцен стремился найти и сформулировать *метод* познания, адекватный действительности и являющийся единством опыта и умозрения. В области философии истории в центре его внимания была проблема общественного закона, который в конечном счете представлялся Герцену

Герцену как сочетание стихийного хода истории (бессознательной жизни народов) и сознательной деятельности индивидов (развитие науки). Эта многосложная, но внутренне связанная проблематика, по-разному выступающая на разных этапах идейного развития Герцена, как видим, начинала складываться в студенческие годы. В основном своем философском труде «Письма об изучении природы» (1845-1846) Герцен развил идею единства противоположностей преимущественно в *методологическом* аспекте. Неслучайно он называет «подвигом» разработку Гегелем «методы» науки и призывал ученых-эмпириков воспользоваться ею.

А в начале весны 1833 года в письме к М. П. Носкову, закончившему Московский университет годом ранее и служившему в Петербурге в артиллерийском департаменте, Герцен пишет: «Приближается время выхода из университета. Многим, очень многим обязан я ему; науками, сколько в состоянии был принять и сколько он в состоянии был мне дать. Но главное *методу* я там приобрел, а *метода* важнее всякой суммы знаний» (выделено мною – С.Х.). Можно с уверенностью утверждать, что немаловажная заслуга в этом освоении Герценом *метода научного мышления* принадлежит Максимовичу. У него мог учиться будущий философ самостоятельности мысли, и не без его влияния формировался у Герцена тот основной комплекс вопросов, которые он будет разрабатывать в последующие годы.

Далее в письме к М. П. Носкову читаем: «Друзья, я вас там приобрел, и это приобретение оживило всю мою душу. Вы поняли меня и ответили дружбой, в то время как мертвый эгоизм обдавал меня своим холодом. Решительно могу сказать, что все сладкое, что было в моей юности, произошло от друзей и от наук. Словом, благословляю университет» [2, т. XXI, с.12].

Это чувство признательности Московскому университету не мешало, впрочем, новоявленному выпускнику написать 5 июля 1833 г.: «Pereat Academia! Pereant Professores! (Да погибнет Академия! Да погибнут профессора! – С.Х.)». И далее в этом письме к Н. П. Огареву Герцен категорически заявляет: «Я с одним Максимовичем останусь знаком. Бог с ними и с Лапласом в карикатуре – Перевощиковым», и с университетским Талейраном – Щепкиным, и с допотопным – Ловецким, и с косинусом рода человеческого – Ко-

цауровым и с Бомбастом Парацельсом в миниатюре – Павловым etc., etc.» [2, т. XXI, с.18]. Насколько разительно отличие характеристик Перевощикова, Ловецкого, Коцаурова, Павлова от теплого, уважительного отзыва о Максимовиче в письме Астракову! Позже Герцен вспоминал, что на выпускной банкет из всех преподавателей Московского университета студенты пригласили только М. А. Максимовича и Н. А. Полевого. Эти же профессора в конце 1833 года были желанными гостями на дружеской вечеринке; поводом для нее послужило успешное продвижение в печать литературных трудов В. Соколовского, который «решился дать праздник не только нам, – пишет Герцен в «Былом и думах», – но и pour les gros bonnets, то есть позвал Полевого, Максимовича и прочих» [2, т. VIII, с.153].

После окончания университета Герцен продолжал поддерживать отношения с Максимовичем. В следственных материалах по делу Герцена сохранился перечень вопросов, заданных «в присутствии следственной комиссии титулярному советнику Александру Герцену июля 24 1834 года», и его ответы на них. На вопрос: «С кем из живущих в Москве и находящихся вне оной имеете близкое знакомство, где с ними виделись, об чем наиболее говаривали при свиданиях?» – Герцен назвал ряд фамилий своих родственников, друзей, бывших студентов-однокашников и преподавателей: «Из гг. профессоров довольно коротко знаю его превосходительство Григорья Ивановича Фишера, сына его и зятя Родиона Григорьевича Геймана, Михайла Александровича Максимовича [...]». На вопрос 12-й: «Кому на словах или на бумаге сообщали вы ваши сочинения или переводы и какие получали об оных отзывы?» – Герцен ответил: «Сообщал я мои сочинения и переводы гг. Полевому, Максимовичу, Огареву, некоторые г. Сатину и гг. Пассекам; вообще получал отзывы довольно лестные, – впрочем, может оные происходили из деликатности к писавшему» [2, т. XXI, с.415].

Глубокое уважение к Максимовичу Герцен сохранял всю жизнь; во многих его работах слышен отзвук лекций, статей и книг выдающегося ученого, что позволяет говорить об определенной близости взглядов этих двух незаурядных личностей на ряд принципиальных вопросов (при всей несхожести их общественно-политических позиций).

Так, в статье «Публичные чтения г-на профессора Рулье» (1845) Герцен подчеркивает значение естествознания для воспитания «мощного умственного развития». [2, т. II, с.140-150]. Здесь не только личный опыт Герцена-студента, ценившего ту *методологическую базу исследовательского труда*, которую заложили для него лекции Максимовича, но и явное знакомство с его речью «О русском просвещении», произнесенной в собрании Московского университета 12 января 1832 года, где Максимович высказал мысли о роли естествознания в формировании интеллектуальной личности. В 1830-е годы Максимович выдвинул достаточно обоснованную программу просветительской деятельности национальной интеллигенции, изложив ее в выступлении 12 (25) января 1830 года на торжественном собрании по случаю 75-летия Московского университета (речь «Об участии Московского университета в просвещении России») и особо подчеркнув, что именно в этом учебном заведении «впервые услышала Россия на родном языке своем почти все науки», в упоминавшейся «Речи о русском просвещении», в серии статей, а позже в выступлении «Об участии и значении Киева в общей жизни России» (эта речь была произнесена на торжественном собрании Киевского университета святого Владимира 2 октября 1837 года; следует напомнить, что упомянутые речи Максимовича были напечатаны сразу же после их провозглашения в Москве и Киеве и становились доступны не только тем, кто имел возможность их слышать).

Идеи Максимовича нашли отражение и развитие в трудах Т. Грановского, Д. Крюкова и П. Кудрявцева – профессоров Московского университета. Ряд философских и этических концепций Максимовича (в том числе, например, о роли и обязанностях личности, о патриотизме) воспринял Н. Станкевич, под влиянием которого формировались исторические взгляды Т. Грановского. По концепции Максимовича, просветительство должно стать целью и задачей всех передовых людей; оно должно содействовать пробуждению самосознания, выявлять народные таланты. Как показывает анализ герценовского наследия, мысли Максимовича были во многом созвучны его собственным убеждениям, и особенно наглядно это видно в отношении Герцена к Украине, ее прошлому и настоящему.

В 1864 г. Герцен пишет публицистические «Письма к будущему другу». В 1-м письме поднята проблема предательства в разных его

видах: от предательства Российской империей украинских казаков в июне 1768 г., когда царский генерал выдал их полякам, против которых они под руководством Зализняка боролись за свободу, до предательства мужиками своих же защитников в начале 1860-х годов.

В подразделе «Перлословие» Герцен дает иронически-сатирический обзор русской реакционной журналистики. Так, в «Московских ведомостях» (№ 5 от 8 января 1864 г.) Герцен прочитал заметку о доносах крестьян на либерально настроенных помещиков, которые «подарили им землю под условием работать совместно с ними за отчизну; но и это не пошло им впрок; крестьяне [...] возмутителей выдали». Комментируя это сообщение, Герцен с горечью восклицает: «Как должен был пасть от рабства народ, который одной рукой берет дар, а другой седлает клячу, чтобы скакать с доносом на того, которого сейчас благодарил за его дар. Это ужасно» [2, т. XVIII, с.68-69].

А в «Русском вестнике» (1863, № 10) внимание Герцена привлекла статья К. Е. Козловского «Поляки в Заднепровской Украине в XVIII века», где, в частности, речь идет о предательском аресте царским генералом Кречетниковым украинских казаков, в том числе и руководителей национально-освободительного движения на Правобережной Украине (Колиивщины) запорожского полковника Максима Зализняка и старшего сотника надворных казаков польского магната Потоцкого Ивана Гонты, перешедшего на сторону своих единомышленников – православных гайдамаков. Царское правительство опасалось, что социальная борьба крестьянства Правобережной Украины, находившейся под властью Польши, перекинется на украинские территории, подвластные тогда Российской империи. Генерал подло обманул казаков, предложив им принять участие в организованном полковником Гурьевым банкете, на котором они и были схвачены, хотя приглашали их якобы для обсуждения совместных военных операций против конфедератов. Поскольку М. Зализняк был царским подданным, его присудили к колесованию, замененному пожизненной каторгой в Нерчинске. А гайдамаков и Гонту как жителей Правобережья и польских подданных российское командование выдало польским властям.

Описание ужасной казни Гонты, этого мужественного героя, вызывает в памяти Герцена песню, которая была напечатана в извест-

ном сборнике «Украинские народные песни, изданные Максимовичем» (М., 1834, с.126). Факт, сам по себе знаковый: Герцен хорошо знает фольклорные тексты, собранные и обработанные его бывшим преподавателем, не забыл их за долгие годы эмиграции.

Герцен пишет: «И народ долго помнил казнь Гонты и пел:

Підкинувшись під Умань, Гонту ізловили.
Вони ж його на сам перед борзо привітали,
Через сім днів з його кожу на поле здирали.
И голову облупили, сілью насолили,
Потім ему як чесному назад положили».

(Такая транскрипция представлена в «Колоколе», где «Письма к будущему другу» были напечатаны впервые; она же сохранена и в Собр.соч. А. И. Герцена в 30-ти томах – С.Х.).

«Итак, – продолжает Герцен, – вот нравственный результат великого *материка* рабства... вот каково было *главное* орудие государственной жизни в России и вот что сделано этим орудием из народа. Ведь это страшно! Масса, потерявшая чувство *правды* от двойного гнета. Холопская аристократия, генералы и офицеры, играющие роль царских капканщиков, дружески беседуют, пьют целые дни, чтобы без малейшей опасности перехватить людей, веривших, и не без основания, в помощь России, и выдать их – их злейшему врагу...

Какое искупление будет достаточно и народу, и правительству, и его дворне и нашим развратникам слова?..» (Курсив А. И. Герцена) [2, т.ХVIII, с.70]. И как здесь не вспомнить Василя Стуса, через сто с лишним лет после Александра Герцена написавшего:

Народе мій, коли тобі
проститься
крик передсмертний
і тяжка сльоза
розстріляних, замучених,
забитих
по соловках, сибірах,
магаданах...

Находясь в эмиграции, Герцен в своих статьях уделял большое внимание Украине, ее настоящему и прошлому. Существует большой корпус научных трудов, где проанализировано отношение русского революционера к Украине и украинцам. Однако никто из многочисленных исследователей, обращавшихся к этой проблеме, не указывал в ряду источников, которыми пользовался или мог пользоваться Герцен, исторические и филологические работы Максимовича, не писал о об их личных контактах в 1830-х годах. Называли художественные произведения Рыльева, Пушкина, Гоголя, упоминали, что до отъезда за границу Герцен мог слушать рассказы М. Щепкина, который бывал на Украине и, вероятно, рассказывал о ней своему другу [3, 6, 12]. Но роль Максимовича в формировании представлений Герцена об истории Украины, ее народе и современном состоянии никем не освещена.

1 января 1859 г. в «Колоколе» была начата публикация целой серии герценовских программных статей по национальному вопросу «Россия и Польша», где автор подчеркивал, что украинцы имеют полное право на независимость: если Украина «не захочет быть *ни* польской, *ни* русской», то «Украину следует в таком случае признать свободной и независимой страной» (курсив А. Герцена) [2, т. XIV, с. 21]. Повторил Герцен и свою мысль, высказанную им ранее в работе «Крещеная собственность» (1853), что «запорожцы были славянские витязи, витязи-мужики, странствующие рыцари черного народа», которые не хотели «знать никакого правительства, кроме своего выборного» [2, т. XII, с. 110].

Ссылаясь на «Историю Польши» выдающегося польского революционера и ученого Иоахима Лелевеля, Герцен подчеркнул, что «Украина была казацкая республика, в основании которой лежали демократические и социальные начала», «Запорожская сечь представляла удивительное явление плебеев-витязей, рыцарей-мужиков». И тут же Герцен приводит цитату из книги И. Лелевеля: «Слова казак и свобода – синонимы... древняя русская свобода была там... задущена (в XVII веке) династической агрессией деспотизма» [2, т. XIV, с.13].

По мнению Герцена, «казачество отворило дверь всем нетерпеливым и не любящим покоя, всем искавшим приключений и жаждавшим сильных ощущений, всем рвавшимся к опасным подвигам и к

первобытной независимости. Оно вполне соответствовало тому буйному началу, которое выражается русским словом «удаль» и составляет одну из характерных черт славян» [2, т. XII, с.45]. В статье Герцена «1831 – 1863» находим такую зарисовку украинской жизни: «...светлые звуки малороссийского напева неслись издалека вместе с шутками и смехом, если не добродушным, то смехом здоровой груди...» [2, т. XVII, с.102-103].

Следует заметить, что и Максимович всегда выступал против мнения тех ученых и литераторов, кто не видел в истории Украины ничего кроме печали, слез и страданий: «Народ Украины тем еще велик, – писал исследователь, – что, несмотря на тяжесть судьбы, всегда нес в сердце отвагу казацкую, любил стихотворство. Смех всегда был по душе малороссиянину» [8, т.3, с.387].

И Герцен, и Максимович объективно подходили к определению украинского национального характера, украинской ментальности, что позволяло им с оптимизмом говорить о будущем этого народа.

Поиски основ для сознательного, разумного существования человечества объясняет стремление Герцена постичь внутренний смысл русской истории, как и Максимович будет осмысливать суть истории украинской. Оба мыслителя понимали взаимозависимость восточных славян и, анализируя прошлое, составляли себе представление о месте, которое украинцы и россияне занимают в среде европейских народов, о способах самовоспитания и самоопределения, которые должны быть выбраны, чтобы это место было во всех отношениях почетным.

При всей разнице социально-политических убеждений Максимович и Герцен сходятся в главном – в понимании первостепенной важности свободы народа и свободы личности, в осознании необходимости найти «идеи строящие» (А. И. Герцен), найти силы, которые раскрепостят народное сознание. И прав был Герцен, когда писал: «Нельзя освобождать людей в наружной жизни больше, чем они освобождены в н у т р и» (разрядка А. И. Герцена) – [2, т. XX, кн. 2, с. 590].

И Максимовичу, и Герцену была близка мысль о высоком значении человеческого достоинства, которое, к сожалению, часто унижается предрассудками, невежеством и – главное – социальной несправедливостью. Если В. Г. Белинский писал, что Герцен – «по пре-

имуществу поэт *гуманности*» [1, с. 320], то тоже самое можно сказать и о Максимовиче. Оба соотносили в своих трудах значение личности с историей, рассматривали ее на широком общественном фоне, видя силу личности в позитивных исторических деяниях.

Сходны основные принципы их убеждений – признание преемственности в историческом и культурном развитии, неприятие одного только «отрицания» и, говоря словами Герцена, «бессмысленного боя разрушения». Оба – **созидатели** по своей природе. Оба обладали широкой энциклопедичностью знаний, были врагами всякого догматизма. Оба блестяще владели пером, были остроумными и, когда надо, ироничными. При этом им чужды были прямолинейность и непримиримость в личных отношениях с другими людьми, даже если их позиции не совпадали. Творческая деятельность и Максимовича, и Герцена освещалась идеалом высокой нравственности, гражданственности, верой в благородную натуру человека. Близкими были и их взгляды на причины трагической судьбы народа в Российской империи – оба, среди прочих, называли неразвитость, отчужденность демократических слоев от образования, культуры и просвещения.

Поэтому неслучайно и то, что Герцен откликнулся на полемику, развернувшуюся в 1861 г. по вопросу: какой язык должен доминировать в Юго-Западной Руси – польский или украинский. В ходе публичной дискуссии высказывалась мысль, что нужно русифицировать эти области. В статье «По поводу письма из Волыни» Герцен выступил против подобной точки зрения: «Корреспондент «Будущности», находя, что юго-запад России говорит на *двух* языках, заключает, что его следует судить и учить – *на третьем*. [...] Согласиться с этим невозможно. И что это за регламентация языка, что за правительственные, административные вмешательства в букварь?.. министерство грамматики, департамент спряжений! Неужели не ясно, что школа и суд в стране, в которой два наречия, *должны быть на обоих*» (курсив А. И. Герцена) [2, т. XV, с.209].

Совершенно четкую и принципиальную позицию по отношению к украинскому языку занимал и Максимович. Но если Герцен подходил к проблеме прежде всего как мирового уровня политический мыслитель, публицист и общественный деятель, то Максимович смотрел на нее еще и как патриот и филолог-исследователь. Обра-

тившись к вопросам систематизации славянских языков и выделив в них две группы – восточную и западную, Максимович рассматривал украинский (или, как тогда говорили, «малорусский», «южнорусский») язык в качестве самостоятельного, равноправного с русским («великорусским», «севернорусским»). Ученый доказал, что украинский – это «особый язык, который отличается от великорусского, а тем более от польского» [8, т. 3, с. 275]. Максимович знал, что письменность и культура нации во многом взаимозависимы, и поэтому несколько работ посвятил украинскому правописанию: «Мнение о малороссийском языке и правописании оного» (1829), «О правописании украинского языка» (1841) и др.

А многовековые сложные отношения украинцев и поляков были предметом исследования в самых разных работах Максимовича, этой же конкретной проблеме посвящена и его статья «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшее в XVII веке. Письмо М. А. Грабовскому» (1857).

Несомненный научный интерес представляет сопоставление взглядов Максимовича и Герцена на развитие украинской национальной культуры, их отзывов о таких украинских литераторах, как Шевченко и Марко Вовчок, но это должно стать предметом самостоятельного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полн. собр. соч., т. 10. – М., 1956.
2. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30-ти т. – М., 1954 – 1966.
3. *Капустін В.О.* Герцен і Україна. – К., 1962.
4. *Короткий В., Біленький С.* Михайло Максимович та освітні практики на Правобережній Україні в першій половині XIX століття. – К., 1999.
5. Киевская старина. – 1882. – № 1.
6. *Крутікова Н.С.* Провісник правди і свободи // Радянське літературознавство, 1970, № 1.
7. *Максимович М.А.* Автобіографія // Памяти М. А. Максимовича. – К., 1898.
8. *Максимович М.А.* Собр. соч.: В 3 т. – К., 1876-1880.
9. *Марков П.Г.* М. О. Максимович – видатний історик XIX ст. – К., 1973.
10. *Микулинский С.Р.* М. А. Максимович как естествоиспытатель // Труды Института естествознания, т. V. – М., АН СССР, 1953.

11. *Пономарев С.И.* Михаил Александрович Максимович. Биографический и историко-литературный очерк // Журнал Министерства народного просвещения. – Часть 157. – № 10. – СПб., 1871.

12. *Хинкулов Л.* Герцен и Украина // Советская Украина. – 1962. – Апрель.